

Н. А. ДВОРЕЦКАЯ

Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в.

Среди исторических повестей, описывающих поход Ермака (так называемых Сибирских летописей), находится повесть, составленная в 1636 г. в г. Тобольске Саввой Есиповым.

Повесть Есипова содержит такое же прославление казаков, что и синодик казакам,¹ помещенный в конце повести. О составлении синодика мы имеем больше сведений, чем о составлении повести Есипова. Общность оценки похода Ермака в обоих произведениях позволяет, выяснив социальную среду, в которой создавался синодик казакам, представить и ту обстановку, в какой была сложена повесть Есипова.

Из повести Есипова известно, что синодик казакам составлен был в 1622 г. в Тобольске по распоряжению первого сибирского архиепископа Киприяна. В основу его положено было «написание» оставшихся к этому времени в живых казаков Ермака, написанное ими также по распоряжению сибирского архиепископа. Казаки в своем «написании» должны были в основном ответить на вопросы: «како они приишоша в Сибирь и где с погаными были бои и ково где убили погании на драке».²

Обычно восхваление казаков в синодике и само составление синодика исследователи связывают со стремлением тобольской архиепископии утвердить свой престиж среди других архиепископских кафедр прославлением своих же, местных святых. Например, С. В. Бахрушиным деятельность Киприяна по укреплению и усилению архиепископии рассматривается главным образом как честолюбивое стремление Киприяна создать в Сибири архиепископию по образцу новгородской.³ С. В. Бахрушин, а затем Д. С. Лихачев⁴ характеризуют Киприяна как деятеля, предвосхитившего взгляды Никона на значение и роль церкви в жизни государства.

Сибирский архиепископ Киприян, действительно, был личностью незаурядной. Известно, что во время шведской интервенции в Новгороде Киприян, будучи тогда архимандритом Хутынского монастыря, вел переговоры со шведами и одновременно с этим добивался воссоединения Новгорода с Москвой.⁵ С 1620 по 1624 г. Киприян — архиепископ сибирский. После возвращения из Сибири в Москву Киприян был назначен митрополитом на Крутицы (в течение своего пребывания крутицким митрополитом Киприян принимал участие в литературной работе патриаршего двора).

¹ Сибирские летописи, изд. Археографической комиссии, 1907, стр. 122—125 и 164—166.

² Там же, стр. 163.

³ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 19.

⁴ Д. С. Лихачев, Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 393—394.

⁵ Н. Абрамов, Киприан — первый архиепископ сибирский. — Странник, 1864, июль, стр. 27—36.

От времени пребывания Киприяна на новгородской митрополии (1626—1635 гг.) сохранился интересный документ — донесение в Москву «о неправдах и непригожих речах митрополита Киприяна»,⁶ который рисует Киприяна как человека властного, честолюбивого и подчас не считающегося с распоряжениями самого патриарха. Все эти черты характера не могли не сыграть известной роли во время пребывания Киприяна на сибирской архиепископии, однако укрепление ее при Киприяне не объясняется лишь одними личными качествами архиепископа.

Основание тобольской архиепископии в 1621 г., в первые же годы после урегулирования внешнеполитического положения Русского государства, позволяет говорить о том, что создание в Сибири центра церковного управления этой обширной территории было связано с важнейшей задачей внутренней политики правительства Романовых — централизацией государственного аппарата. Укрепление архиепископии в Сибири, придание ей пышности и блеска являлось осуществлением прежде всего замыслов и планов правительства, а затем уж здесь играла роль энергичная деятельность Киприяна. Это видно из всех распоряжений и наказов центральной власти.

Торжественно был обставлен путь Киприяна в Тобольск. Во всех городах архиепископа встречали колокольным звоном, с крестами и хоругвями; жителям сибирских городов, воеводам и духовенству приказывалось выходить для встречи архиепископа за город и встречать его «с великою честию». Воеводе Тобольска было послано предписание отвести место в городе для постройки соборной церкви и архиепископского двора, выделены были деньги на постройку.⁷ Из наказа архиепископу и грамот, посланных в Сибирь царем и патриархом, видно, что Киприяну поручалось укреплять церковную организацию в Сибири, следить за выполнением всех церковных правил и обрядов населением (в Сибири, где на огромной, вновь осваиваемой территории были крайне редки монастыри и церкви, задача охвата всего населения идеологическим влиянием церкви была очень нелегка, хотя в то же время чрезвычайно важна для правительства). Правительство обеспокоено было бесконтрольным действием сибирской администрации, ее хищениями и присваиванием части государственных доходов. Ввиду этого Киприяну со стороны светской власти поручается контроль над деятельностью тобольского воеводы и других административных лиц: ему приказывалось следить за их действиями, ограждать «мелких людей» от насилий воевод, участвовать в обсуждении «государевых великих дел», подчас выполнять даже отдельные важные поручения правительства, связанные с его фискальной политикой.⁸ Перед архиепископом поставлена была также задача укрепления русского влияния среди местного населения; не случайно патриарх Филарет приводил в качестве образца для деятельности Киприяна миссионерскую деятельность Стефана Пермского в Пермском крае.⁹

Все это заставляет несколько по-иному оценить установление Киприяном прославления казаков наряду с «прочими пострадавшими за православие». Установление в новой, выстроенной при Киприяне соборной церкви Софии поминания казаков отражало не только события местного значе-

⁶ А. Н. Зерцалов. О неправдах и непригожих речах новгородского митрополита Киприяна. — ЧОИДР, 1896, т. I, стр. 1—28.

⁷ П. Будицкий. Открытие тобольской епархии и первый архиепископ Киприян. — Вера и разум, 1890, в. 21, стр. 565.

⁸ См. наказ и грамоту архиепископу Киприяну в книге П. Будицкого: Открытие тобольской епархии. . . — Вера и разум, 1890, в. 23, стр. 639—641.

⁹ СГГД, т. III, № 60, стр. 245—253.

ния — прославление своих местных героев с целью усиления новой архиепископии среди других архиепископских кафедр, — это прославление казаков отражало также оценку похода Ермака официальной властью в период усиления централизации Русского государства.

В 1636 г. прославление казаков в неделю православия было утверждено «советом освященного собора, святейшим патриархом Филаретом и государем царем Михаилом Федоровичем всеа Руси».¹⁰ Очевидно, что составление повести Есипова в 1636 г. связано именно с этим событием. Привлечение Есиповым синодика, включение в повесть истории его составления дают возможность утверждать, что повесть создавалась также при тобольской архиепископии.

У нас нет сведений о том, почему утверждение поминания казаков и повесть Есипова появились именно в 1636 г.¹¹ Повесть Есипова (анализ характера повести не входит в задачу настоящей статьи) — памятник, свидетельствующий об отражении в общественной мысли XVII в. новых явлений в русской жизни: включения в состав Русского государства Сибири, превращения Русского государства в государство многонациональное. Однако в оценке похода Ермака повесть очень близка синодику, что и дает нам возможность говорить об официальной оценке похода Ермака и в повести Есипова.

Во вступительной части синодика и в главе седьмой повести Есипова («О пришествии Ермакове в Сибирь») ¹² казаки прославляются за подвиг — приведение «бесурманской» Сибири к христианству. Это событие предопределено было свыше: «бог послал очистити место и победити бесурманского царя Кучума». Казаки — избранники бога, исполнители его воли, верные слуги царя.

Синодик и повесть Есипова отмечают, что выбор бога пал не на «славных мужей» и не на «царских воевод» — «от простых людей» избрал бог и послал атамана Ермака с казаками. На это противопоставление «славным мужам» и «царским воеводам» казаков обратил внимание Д. С. Лихачев.¹³ Основываясь на том, что в основу синодика было положено «написание» казаков, Д. С. Лихачев считает, что синодик сохранил основную идею казачьего «написания», которая выражалась в изображении завоевания Сибири как дела Ермака, предпринявшего этот поход на свой страх и риск без участия Строгановых. «Эта тенденция, — пишет Д. С. Лихачев, — особенно резко сказалась в той части синодика, где было записано, что „ни от славных муж, ни царска повеления воевод... но от простых людей избра бог и вооружи славою и ратоборством и волностию атамана Ермака Тимофеева сына Поволского и со единомысленной и предоброй дружиной храбравшего“».¹⁴

В таком объяснении есть одна уязвимая сторона: нам трудно судить об идейном содержании «написания» по синодику или повести Есипова, составленных при тобольской архиепископии, где «написание» казаков не могло не подвергнуться значительной обработке. Может быть, противо-

¹⁰ Сибирские летописи, стр. 353.

¹¹ В качестве более общей причины следует назвать дальнейшее усиление централизации государства, в частности включение в этот процесс обширной территории Сибири. Это сказывалось в проведении административных мероприятий (в 1637 г. был создан специальный Сибирский приказ) и в идеологическом «освоении» Сибири (включение статьи «о взятии Сибири» в «Новый летописец» — официальное произведение о событиях польско-шведской интервенции и крестьянской войны, составленное в 1630 г.).

¹² Сибирские летописи, стр. 123 и 164.

¹³ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 395.

¹⁴ Там же.

поставление казаков воеводам и знатым мужам следует отнести за счет тех литературных приемов, к которым прибегал автор синодика, прославляя доблесть и храбрость Ермака? Причина резкости такого противопоставления, возможно, заключалась не в заимствовании из «написания», а в тех враждебных отношениях, которые сложились между архиепископом Киприяном и тобольским воеводой Матвеем Годуновым.¹⁵

Мы не настаиваем на своих предположениях, но для нас важно отметить, что несмотря на упоминание простого происхождения Ермака, на отсутствие сведений о Строгановых, прославление казаков по повести Есипова и синодику значительно отличается от оценки похода Ермака крестьянством и казачеством, т. е. той социальной средой, откуда вышли участники похода, положившего начало присоединению Сибири к Русскому государству.¹⁶

Это ясно видно при сопоставлении синодика и повести Есипова с фольклорными источниками. Исследователи отмечали различие в оценке похода Ермака между повестями, составленными по местной, но официальной инициативе, и фольклором о Ермаке, но в чем проявляется это отличие, с достаточной ясностью вскрыто не было.¹⁷

Настоящая статья не ставит задачей изучение всего фольклорного материала о Ермаке, для нас важно отметить характерную черту этого фольклора. Ермак в песнях, сказаниях и легендах выступает как выходец из эксплуатируемой части населения и часто действует вразрез с требованиями существующего порядка. Ермак — славный атаман казаков, нападающих на государева посла.¹⁸ Ермак — сын посадского человека, от «скудости» сошедшего в вотчины Строгановых. Сам Ермак ходил у Строгановых «в работи» на Каме и Волге.¹⁹ Собираясь в поход, он брал запасы

¹⁵ Воевода был недоволен большими полномочиями, которые были даны архиепископу дарем и патриархом, опасался вмешательства Киприяна в дела управления Тобольским уездом, где воевода распоряжался как в своей вотчине и поэтому чинил всяческие обиды и утеснения архиепископу (см.: П. Будинский. Открытие тобольской епархии. . . — Вера и разум, 1890, в. 26, кн. 1, стр. 572—576, 659).

¹⁶ Казаки Ермака даже после присоединения Сибири к Русскому государству не пользовались никакими особыми правами или привилегиями. Они служили в пеших казаках, и единственно, что им было разрешено, это составлять отдельную «старую» сотню (см.: П. Будинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 108—109).

¹⁷ М. О. Скрипиль, Б. Н. Путилов. Русское народно-поэтическое творчество, т. I. М.—Л., 1953, стр. 334—335.

¹⁸ Песня «Ермак взял Сибирь». — Сборник Кириши Данилова, под ред. Шеффера. СПб., 1901, стр. 47—51. Об этом же говорят все предания и рассказы о Ермаке, вошедшие в состав поздних списков повести Есипова и других повестей о Ермаке. Интересна вставка в текст списка из собрания Лихачева, № 28 (Отдел древних рукописей и актов ЛОИИ, список скорописью XVIII в., в 4-ку, 28 л.): «В лета 7089 года летом царь государь и великий князь Иоанн Васильевич всяя России самодержец послал в Астрахань на судах казну свою денежную и свинец и порох. И как будут казною против реки Самары и выгрести из Самары реки в стругах ясаульных многие яидкие казаки и волские со огненным боем. И государеву казну всю погромили и воеводу князя Григория Засекина и всех людей побили и всю казну царскую взяли и пошли по Волге вверх в Каму реку». Важно отметить, что Григорий Засекин действительно был воеводой в Переволоке (Царицын) и посылал погоню из вновь отстроенного города Саратов за «воровскими» казаками и атаманами; правда, с Ермаком здесь не могло быть связи, так как действия Засекина относились к 1589—1590 гг. Очевидно, какие-то рассказы о Григории Засекине переплетены были с преданиями Ермаковых казаков о их приходе в Сибирь. О том, что в списке Лихачева нашли отражения рассказы этих казаков, возможно, значительно измененные поздней их передачей, свидетельствует такая фраза вставки списка Лихачева: «... придоша же и в слободы Никиты Строганова, и оттоле поидоша в Чусовую реку, рекою до волоку, и ту к нам присташа многие пермечи. . .»

¹⁹ Эти сведения о Ермаке вошли в состав также одного из поздних списков повести Есипова-Бузуновского (Сибирские летописи, стр. 305—306).

у Максима Строганова «с пристрастием, а не вовсе в честь или займы, но убити хотеша и жита его разграбить, дом его и при нем живущих разорити в конце».²⁰

Сравнивая изображение казаков Ермака в фольклоре с прославлением в повести Есипова и синодике, мы видим, что последние, упоминая о простом происхождении Ермака, тщательно избегали всех других фактов из его биографии. В научной литературе длительный спор вызвало отсутствие в повести Есипова каких-либо упоминаний о Строгановых. Основываясь на том, что источником повести Есипова служило (прямо или косвенно) «написание» казаков, некоторые исследователи делали вывод об отсутствии «сведений о именитых людях» и в «написании». Отсюда возникало утверждение что Строгановы вообще не имели никакого отношения к походу Ермака.²¹ Между тем в повести Есипова нет не только сведений о Строгановых, в ней нет вообще никаких известий о том, как казаки очутились в Сибири. Эти сведения и не могли появиться в повести, поскольку в произведении, прославляющем казаков за выполнение божественной воли, недопустимо было помещать известия о «разбое» казаков на Волге, о том, что в Сибирь они пришли, спасаясь от преследования царских воевод. В фольклоре же о Ермаке социальная природа Ермака выступает очень ярко: Ермак близок эксплуатируемым массам именно противопоставлением его деятельности интересам царской администрации и промышленников Строгановых.

Различие официальной и фольклорной оценки похода Ермака в XVII в. не случайно. В это время расширялась территория Сибири, входящая в состав Русского государства, усиливалось освоение ее русским населением, вместе с этим росло и угнетение русского и туземного населения феодальным государством и, как результат его, обострялась классовая борьба. Все это требовало укрепления существующего строя не только административными мерами, но также и идеологическим воздействием.

В период интенсивного освоения Сибири русским населением со всеми явлениями, которыми характеризуется освоение новых территорий в рамках феодального государства, господствующим классам важно было представить народного героя Ермака, прямого брата тех крестьянских переселенцев, которые в XVII в. часто помимо воли правительства двигались в Сибирь, верным слугой царя и защитником православной веры.

²⁰ Таковы сведения так называемой Кунгурской летописи, записанные выдающимся чертежником, географом и этнографом конца XVII—начала XVIII в. Семеном Ремезовым, вероятно, во время его пребывания в Кунгуре и вошедшие затем в состав Ремезовской летописи о походе Ермака (Сибирские летописи, стр. 315).

²¹ С. А. Андрианов. К вопросу о покорении Сибири Ермаком. — ЖМНП, 1893, июль, стр. 522—550.